М. М. Хераскова, — с одной стороны; с другой же — официального придворного поэта, «карманного стихотворца» Екатерины II, пожалованного уже к тому времени дворянством. В подобном случае выпад Новикова имел намерение воскресить в памяти читателей начало жизненного пути Петрова (в пользу этого предположения говорит то, что заметка о Петрове — придворном стихотворце помещена без каких-либо биографических сведений). Современники уже забыли об участии Петрова в «Добром намерении», где им было помещено два весьма посредственных стихотворения,[48] а начало его поэтического творчества связывалось (*согласно легенде, распространяемой самим Петровым и прочно* вошедшей в историко-литературный обиход) с написанной им по совету Н. Н. Бантыша-Каменского «Одой на великолепный карусель, представленный в Санкт-Петербурге 1766 года», принесшей автору мгновенную известность, расположение Екатерины II, официальное признание лучшим из современных поэтов и прочное положение в свете. Представляется маловероятным незнание Новиковым биографии своего литературного противника; несмотря на неразработанность вопроса о их личных (внелитературных) взаимоотношениях, укажем на их общего друга Н. Н. Бантыша-Каменского — одного из главных поставщиков историко-литературного материала для «Опыта». Версия об «Оде на великолепный карусель» как отправной точке литературного творчества Петрова, усиленно распространявшаяся им самим на протяжении всей жизни,[49] привела к тому, что стихи из «Доброго намерения» *не вошли в оба собрания его сочинений*, каждое из которых (как, впрочем, посмертные публикации стихов Петрова) открывается «Одой на великолепный карусель». Если в первом собрании сочинений Петрова (1771) эти стихи не могли появиться из-за официального характера издания (оно содержало лишь торжественные оды в хронологической последовательности), то отсутствие их в подготовленном вдовой поэта Е. Петровой посмертном собрании его сочинений (1811) (куда вошли такие подчеркнуто неофициальные стихи Петрова, как «На смерть собачки», «На карася», «На гору в родах» и др.) можно рассматривать либо как строгое следование традиционной версии о начале поэтического пути Петрова,[50] либо (что нам представляется более вероятным) как незнание Е. Петровой всех стихотворных произведений своего мужа (едва ли она была осведомлена о его литературном дебюте на страницах «Доброго намерения»); в пользу

---

[48] Описание ненастья // Доброе намерение, 1764. Декабрь. С. 531—532 (подпись: Василей Петров, студент Московской академии); Преложение псалма 85 // Там же. С. 539—540 (подпись: МАС Василей Петров); последнее представляет собой своеобразное соревнование с А. Перепечиным, поместившим переложение того же псалма: *Перепечин А.* Молитва // Там же. Октябрь. С. 447.

[49] *Петров Я. В.* Жизнь Василия Петровича Петрова // Соревнователь просвещения и благотворительности. 1818. Ч. 1. С. 125.

[50] *Шляпкин И. А.* Василий Петрович Петров. С. 383.